

Молотилкин Сергей Витальевич

ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ КАК ФОРМА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ДЕРЕВОЛЮЦИОННОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Статья рассматривает деятельное раскаяние как одну из форм освобождения от уголовной ответственности по дореволюционному законодательству. Анализируются составы преступлений, по которым возможно было освобождение от уголовной ответственности при проявлении со стороны виновного признаков деятельного раскаяния. По дореволюционному законодательству деятельное раскаяние выражалось либо в высказывании негативного отношения к совершенному преступлению, либо в явке с повинной, либо в возмещении вреда, причиненного преступлением.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/8-3/40.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58): в 3-х ч. Ч. III. С. 150-153. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/8-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

“DIALOGUE OF CIVILIZATIONS” THEORY IN JAPAN: COOPERATION FOR PEACE

Mishuchkov Andrei Aleksandrovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Orenburg State University
unitatem@mail.ru

The article examines theoretical aspects of dialogue of civilizations in Japanese philosophy, which may contribute to the development of the paradigm of the civilization partnership of Japan and Russia. The author analyzes the key ideas of the dialogue: the idea of civilization world and security (K. Matsuura); the axiology of the subject of dialogue of civilizations and civilization identity (K. Musakodzi); the spheres of inter-civilization relations (Sh. Ito); humanism and optimism (victory of good over evil) (D. Ikeda); cross-cultural approach and the idea of the mutual enhancement of modernization and tradition (H. Hattori); the conception of Eurasian integration (R. Hashimoto); civilization of dialogue (K. Matsumoto).

Key words and phrases: dialogue of civilizations; cross-cultural approach; civilization identity; crisis of western civilization; civilization partnership; global communication.

УДК 34:343.234.5

Юридические науки

Статья рассматривает деятельное раскаяние как одну из форм освобождения от уголовной ответственности по дореволюционному законодательству. Анализируются составы преступлений, по которым возможно было освобождение от уголовной ответственности при проявлении со стороны виновного признаков деятельного раскаяния. По дореволюционному законодательству деятельное раскаяние выражалось либо в высказывании негативного отношения к совершенному преступлению, либо в явке с повинной, либо в возмещении вреда, причиненного преступлением.

Ключевые слова и фразы: деятельное раскаяние; освобождение от наказания; освобождение от уголовной ответственности; позитивные постпреступные действия; смягчение установленного наказания.

Молодилкин Сергей Витальевич

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова
okmsvzo@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ КАК ФОРМА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ДЕРЕВОЛЮЦИОННОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ©

Наказание является реакцией государства на совершенное преступление. В правовой доктрине многих стран прочно закрепилось понимание того, что наказание не может быть применено для тех, кто чистосердечно раскаялся в совершении противоправных действий и попытался загладить негативные последствия своей криминальной деятельности. Это связано с тем, что история знала немало примеров, когда ужесточение наказания не приводило к должному снижению уровня преступности, а проявление гуманизма наоборот способствовало зарождению нравственных изменений в человеке.

Началом формирования отечественного законодательства послужило издание в XI веке сборника законов под названием «Русская Правда», в которых прочно закрепились нормы, поощряющие деятельное раскаяние лица, виновного в совершении преступления. Под преступлением в «Русской Правде» понималась «обида». Основанием для привлечения виновного к ответственности являлось причинение материального, физического или морального ущерба потерпевшему. Формой наказания служило денежное взыскание, хотя в летописи есть упоминание о том, что за убийство князя предусматривалась смертная казнь. Например, «Правда Ярослава» предоставляла потерпевшему или его родственникам право выбора между кровной мстостью и получением материальной выгоды в случае прощения виновного.

Поскольку «Русская Правда» не содержала такого понятия, как «деятельное раскаяние», то для освобождения от уголовной ответственности виновному необходимо было примириться с потерпевшим, либо явиться с повинной, либо возместить вред, причиненный преступлением. Мотивы, которыми руководствовался виновный при совершении тех или иных постпреступных действий, не оказывали никакого влияния на назначение наказания или освобождение от него. Дело рассматривалось только по заявлению потерпевшего, а судебный процесс, в свою очередь, носил состязательный характер, в ходе которого подозреваемому приходилось доказывать свою невиновность в совершенном преступлении или просить милости у потерпевшего.

Как свидетельствует «Пространственная правда», укрывательство беглого холопа наказывалось штрафом в сумме трех гривен (ст. 32). Но от наказания освобождалось лицо, сообщившее в течение первых двух дней его хозяину о том, что оно укрывало беглеца в своем доме. По делам о воровстве говорилось, что наказанию не подвергалось лицо, добровольно возвратившее похищенное имущество его владельцу (ст. 34). При этом на освобождение от ответственности размер похищенного имущества и повторность совершения

противоправных действий никакого влияния не оказывали. В случае кражи скота виновный освобождался от ответственности, если он возвращал владельцу похищенное животное в течение одного года с момента совершения преступления (ст. 44-45).

При совершении убийства в разбое ответственности подлежали как лицо, виновное в совершенном преступлении, так и община, на территории которой совершено противоправное деяние (ст. 20 «Правды Ярославля»). Община освобождалась от ответственности, если своими силами разыщет преступника и выдаст его княжеской власти. Получается, что закон вводил коллективную ответственность, а субъектом преступления в данном случае выступала община, которая отвечала за действия тех, кто находился на ее территории. Этим законодатель пытался мотивировать членов общины на совершение позитивных действий и осуществление дополнительных мероприятий, направленных на защиту жизни и собственности.

Таким образом, с помощью норм освобождения от уголовной ответственности обеспечивалась защита собственников имущества и человеческой жизни. При этом за нарушение прав и свобод феодала были предусмотрены повышенные меры наказания, что само по себе характерно для классового государства и права. За совершение преступлений предусматривались штрафные санкции, но поскольку законодательство того времени не разделяло нормы частного и публичного права, то возмещение причиненного ущерба выступало порой в качестве разновидности ответственности, а не как некое позитивное постпреступное действие [1, с. 28].

Возникновение феодальной раздробленности на Руси привело к тому, что отдельные боярские республики сформировали собственное законодательство, действовавшее наравне с «Русской Правдой». Принятые нормативные акты не имели четкой системы изложения правовых норм, но содержали отдельные основания освобождения от ответственности, если имело место деятельное раскаяние. Например, в ст. 3 «Двинской уставной грамоты» (1397-1398 гг.) указывалось, что если стороны, повздорившие «в пиру», покаются и примирятся до выяснения отношений в судебном порядке, то они освобождались от уплаты штрафа князю. Статьи 37 и 80 «Псковской Судной грамоты» (1397 г.) предусматривали возможность на досудебном этапе примирения сторон в случаях невыплаты долга или при причинении побоев. Статья 10 «Белозерской Уставной грамоты» (1488 г.) предписывала освобождать от смертной казни лиц, виновных в убийстве, разбое или краже, если они заглаживали причиненный вред.

В период формирования централизованного государства принимается единый свод законов под названием «Судебник» 1497 года. В данном нормативном акте законодатель уже предусмотрел новые основания освобождения от ответственности за совершение позитивных постпреступных действий. Например, по ст. 48 виновный освобождался от дополнительных видов наказания в случае признания требований истца во время проведения судебного поединка. В ст. 53 указывались виды преступлений, за совершение которых виновный освобождался от ответственности в случае примирения с потерпевшим, если противоправные действия никаким образом не затрагивали государственные интересы. Примирение допускалось при обвинении в «бою» (причинение побоев), «лае» (нанесение оскорбления) или в «займах» (невыплату долговых обязательств).

«Судебник» 1550 года предусматривал возможность освобождения от тюремного заключения лица, взятого на поруки. Отказ от применения карательных мер обусловлен желанием законодателя возложить на поручителя дополнительный контроль за поведением виновного в быту для того, чтобы исключить совершение рецидива. Если же этого не происходило и имело место продолжение преступной деятельности, то к ответственности, помимо виновного, привлекался еще и поручитель как сторона, не выполнившая взятые на себя обязательства. В большинстве случаев признание своего участия в совершенном преступлении и деятельное раскаяние, получаемое, как правило, при помощи пыток, не освобождало виновного от уголовной ответственности, кроме этого указанные позитивные действия не способны были смягчить установленное наказание.

За ведение безнравственного образа жизни виновный привлекался к ответственности по церковному законодательству. «Стоглав» 1551 года призывал к деятельному раскаянию тех, кто был виновен в совершении плотского греха, такого как содомия и мужеложство. Если виновный раскаивался в совершенном грехе, то получал прощение и допускался до посещения церковных служб, в противном случае его ожидало суровое телесное наказание и отлучение от церкви на долгое время. Можно констатировать, что нормы церковного права были возведены в ранг государственного, а наказание приобрело каноническую форму.

Согласно Соборному Уложению 1649 года, смертная казнь не применялась к лицу, добровольно вернувшемуся в родное отечество после бегства за границу. Нужно признать, что возвращению соотечественников из-за границы данная норма не способствовала, поскольку смертная казнь заменялась всего лишь на другое уголовное наказание, такое как заключение под стражу. Между тем, Уложение освобождало от наказания родителей, причинивших своему ребенку смерть в результате побоев, если имело место публичное покаяние с их стороны после отбытия одного года тюремного заключения за данное преступление.

Также отметим, что Уложение содержало нормы, в соответствии с которыми предусматривалась возможность снижения наказания для лица, раскаявшегося в совершении преступления: «А приведут татя, а доведут на него одну татьбу, а он в той татьбе в расспросе без пытки повинится, и его расспрашивали накрепко и в иных татьбах с пристрастием, а не пытать, и посадить его в тюрьму на две недели» [3, с. 398]. Если виновный не раскаивался в совершенном преступлении, то ему отсекали левую руку или приговаривали к смертной казни. За совершение некоторых категорий преступлений исполнение смертного приговора могло быть отложено на несколько недель, для того чтобы виновный мог испросить прощение перед Богом и людьми. В связи с этим М. Б. Чернова пишет, что церковное покаяние приобрело статус обязательной процедуры [4, с. 21].

Следует отметить, что законодатель на данном этапе меняет свои взгляды на понятие «преступление», теперь под ним понимается не просто «обида», как было указано в «Русской Правде», а «лихое дело». В связи с этим расширяется круг дел, по которым освобождение от уголовной ответственности, в силу ряда

обстоятельств, становится невозможным. Например, потерпевшему запрещено было заключать «мировое» с «лихими» людьми под угрозой применения наказания в денежной форме. Расследование уголовных дел нередко сопровождалось жесточайшими пытками и проведением обысков для того, чтобы проверить правдивость показаний виновного и установить его причастность к совершению аналогичных преступлений. При производстве расследования применение пыток было запрещено только в 1801 году Александром I, хотя на практике они применялись достаточно широко.

Как по «Судебнику» 1550 года, так и по Соборному Уложению 1649 года явка с повинной выступала в качестве необходимого элемента деятельного раскаяния, где могла содержаться информация не только о совершенном преступлении, но и о готовящемся. При этом юридическую силу она могла иметь только в том случае, когда виновный отрицательно относился к результатам своей преступной деятельности.

Эпоха Петра I характеризуется усилением карательной функции государства. Это выражалось в том, что смертная казнь назначалась не только за умышленное причинение смерти человеку, но и за несвоевременную доставку почты адресату. Под преступлением стало пониматься такое деяние, которое нарушало не только уголовный закон, но и причиняло вред государству. Ответственность по уголовному законодательству наступала только за совершение умышленных деяний. За совершение ряда преступлений, помимо виновного, к ответственности могли быть привлечены члены его семьи и близкие родственники.

Несмотря на суровые меры наказания, законодательство предусматривало основания для смягчения участи виновного и освобождения его от наказания. Так, за богохульство от наказания освобождалось лицо, в действиях которого имелись публичное раскаяние и уплата половины своего жалования («Артикул 8»). Дезертир не подвергался смертной казни, если его возвращение в расположение воинской части было следствием раскаяния. В данном случае смертная казнь заменялась на телесное или какое-либо другое наказание («Артикул 96»). Поскольку данная норма не способна была обеспечить эффективную борьбу с дезертирством, то для исправления сложившейся ситуации издавались специальные уставы и манифесты, которые полностью освобождали беглых военных от установленного наказания.

«Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года предусматривало нормы, позволяющие смягчать наказание для лиц, преступивших уголовный закон. Е. Л. Забарчук пишет, что за проявление деятельного раскаяния и возмещение причиненного ущерба наказание для виновного «могло быть не только уменьшено в мере, но и смягчено в степени и даже в роде» [2, с. 81]. За совершение позитивных действий суд снижал установленное наказание на одну или две ступени. Также он мог назначить наказание ниже установленного размера или помиловать виновного.

За подлог документов государя предусматривалась ссылка в Сибирь. Наказание смягчалось, если виновный являлся с повинной, а поддельный документ не использовался им в корыстных целях (ст. 319). Кроме этого, за добровольное сообщение о подделке указов Правительствующего Сената ссылка в Сибирь могла быть заменена на тюремное заключение сроком от шести месяцев до одного года (ст. 320). За подделку документов губернских правлений, а также судебных и правительственных мест предусматривалась ссылка в Сибирь с лишением всех прав. Установленное наказание заменялось арестом сроком от 1 до 3 недель в отношении того лица, которое сделало добровольное заявление о совершенном им преступлении (ст. 322).

Устав уголовного судопроизводства 1864 года признавал явку с повинной в качестве законного основания для начала предварительного расследования (ст. 297). По полученной явке проводилась проверка. В том случае, когда явка с повинной опровергалась сведениями, находящимися в распоряжении у следствия, составлялся протокол о мотивах дачи признательных показаний. Копия протокола направлялась впоследствии прокурору (ст. 310). Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, изданный в 1864 году, предусматривал уменьшение вины для преступника, чистосердечно раскаявшегося до вынесения приговора и возместившего потерпевшему причиненный вред (ст. 13).

Уложение 1903 года значительно расширило число норм, поощряющих деятельное раскаяние. В силу ряда обстоятельств оно так и не вступило в действие в полном объеме, поэтому при решении отдельных уголовно-правовых вопросов приходилось руководствоваться Уложением 1845 года. Между тем, согласно Уложению 1903 года, предусматривалось снижение наказания за растрату вверенного имущества (ст. 574), воровство (ст. 581), мошенничество (ст. 591), если виновный брал на себя возмещение причиненного вреда. Если в действиях виновного имелись обстоятельства, уменьшающие его вину, то максимальное наказание за совершенное преступление не назначалось. На уменьшение вины оказывало влияние проявление деятельного раскаяния, а также старание виновного в возмещении причиненного вреда.

Примечательно, но Уложение 1903 года не предусматривало перечня обстоятельств, уменьшающих вину лица, совершившего преступления. Это указывает на то, что правоприменитель сам должен был решать вопрос о том, заслуживает виновный снисхождения в совершенном преступлении или нет.

Проведенное исследование показало, что первоначально институт деятельного раскаяния основывался на примирительном потенциале, когда виновный заглаживал причиненный вред перед потерпевшим. За совершение позитивных постпреступных действий следовало освобождение от наказания. Со временем произошло повышение правосознания, в результате чего изменился подход в борьбе с правонарушениями. Законодатель заинтересовался скорейшим изобличением преступника и сокращением сил и средств на его поиск, в результате чего нормативные правовые акты стали поощрять позитивные постпреступные действия, для совершения которых стимулом являлось смягчение установленного наказания или вовсе освобождение от него. В свою очередь, нормативные акты стали содержать в себе следующие понятия: «чистосердечное раскаяние», «явка с повинной», «заглаживание ущерба».

Список литературы

1. Антонов А. Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности: дисс. ... д. юрид. н. Томск, 2013. 357 с.
2. Забарчук Е. Л. Деятельное раскаяние в уголовном праве: вопросы теории и практики: дисс. ... к. юрид. н. М., 2006. 196 с.
3. Памятники русского права / под ред. Л. В. Черепнина. М.: Госюриздат, 1963. Вып. 7. Памятники права периода создания абсолютной монархии. Вторая половина XVII в. 510 с.
4. Чернова М. Б. Деятельное раскаяние как институт освобождения от уголовной ответственности (ст. 75 УК РФ): дисс. ... к. юрид. н. СПб., 2006. 226 с.

ACTIVE REPENTANCE AS A FORM OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY ACCORDING TO PRE-REVOLUTIONARY LEGISLATION

Molotilkin Sergei Vital'evich
Katanov Khakass State University
okmsvzo@yandex.ru

The article deals with active repentance as one of the forms of exemption from criminal liability according to pre-revolutionary legislation. The author analyzes the components of crimes, for which it was possible to release from criminal liability when the guilty person showed the signs of active repentance. In pre-revolutionary legislation active repentance was expressed either in the expression of negative attitude towards the completed offence or in giving oneself up or in the redress of wrong caused by the crime.

Key words and phrases: active repentance; exemption from punishment; exemption from criminal liability; positive post-criminal actions; mitigation of provided punishment.

УДК 94(47)

Исторические науки и археология

В статье исследуется вопрос о гласности судопроизводства Русской православной церкви, неоднократно рассматривавшийся различными экспертными органами в ходе подготовки духовно-судебной реформы в течение второй половины XIX – первых десятилетий XX века. Иллюстрируются основные подходы к проблеме, показано их конкурентное взаимодействие в ходе дискуссий. Автор прослеживает постепенный отход от первоначальных либеральных инициатив и итоговое возвращение к ним.

Ключевые слова и фразы: гласность; духовно-судебная реформа; Комитет архиепископа Макария; Предсоборное присутствие; Поместный Собор 1917-1918 гг.; церковный суд.

Никитин Алексей Владимирович

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
qwerty0009992011@yandex.ru

ВОПРОС О ГЛАСНОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ДИСКУССИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XX ВЕКА©

Начиная с 1860-х гг., в Российской империи приобрел актуальность вопрос реформы церковного суда. Не затронутое реформой 1864 г., духовное судопроизводство оставалось архаичным и неэффективным. В течение всего пореформенного периода предпринимались попытки его реформирования, не шедшие, впрочем, далее составления различными экспертными органами своих проектов [1, с. 95-193].

Среди многочисленных процедурных аспектов грядущей реформы важное место занимал вопрос о гласности. Здесь необходимо терминологическое уточнение, поскольку гласность, согласно постулатам юридической науки, можно понимать двояко. Общая гласность означает право всех желающих присутствовать на судебных заседаниях; данный вид гласности можно без ущерба для смысла обозначить термином «публичность». Гласность сторон позволяет присутствовать в суде непосредственным участникам процесса. По авторитетному мнению Е. В. Васьковского, принцип гласности сторон непосредственно связан с другими основополагающими принципами судопроизводства, такими как непосредственность, устность, состязательность и равноправность, а потому «имеет безусловное значение и не терпит никаких изъятий». В то же время, публичность, «наоборот, не вытекает из других принципов процесса, не является даже необходимой спутницей гласности для сторон, а представляет собою совершенно самостоятельный принцип, нуждающийся в специальном рассмотрении и обосновании» [2, с. 449-450]. На протяжении всего периода подготовки духовно-судебной реформы в дискуссиях обычно употреблялся термин «гласность», но, поскольку обычно имелась в виду именно гласность общая, то в работе будет также использоваться синонимичное понятие «публичность». Что касается принципа гласности сторон, то он, в силу своей несомненности, всегда без особых споров включался в итоговые документы почти всех экспертных органов.

Комитет архиепископа Макария, функционировавший в 1870-1873 гг., обсуждал проблему публичности на своем десятом заседании. Протоиерей П. Г. Лебединцев предостерегал от введения этого принципа, ссылаясь